

Анна Сотникова

Кот да
Винчи

12+

Анна Сотникова

Кот да Винчи

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Сотникова А.

Кот да Винчи / А. Сотникова — «ЛитРес: Самиздат», 2010

ISBN 978-5-532-97660-3

Рассказы и повести для взрослых и подростков! Книга содержит пародию на знаменитое произведение Дэна Брауна! Занимательный сюжет и положительные эмоции гарантированы! Несомненно читателя увлекут повести, где мистика и реализм сочетаются в одном флаконе. Ещё рассказы и зарисовки... Разные жанры, разные чувства, разные мысли... Легко читается, но вместе с тем заставляет задуматься... Автор является обладателем Всероссийской литературной Пушкинской премии "Капитанская дочка", которую получил в 16 лет.

ISBN 978-5-532-97660-3

© Сотникова А., 2010
© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Рассказы	5
Я не верю себе	5
Лучший друг	7
Тсс...	13
Разговор с Луной	15
Луна и Звезда	16
Туман	17
Чёрные свечи	18
Колдунья	22
Разговор о счастье	28
Старичок и старушка	30
Степь	31
Любовь на облаках	32
Всё будет лучше, чем плохо!	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна Сотникова

Кот да Винчи

Рассказы

Я не верю себе

Предисловие

Посвящается всем подросткам

Мы – подростки, люди, стоящие на пороге жизни; люди, с которыми порой не считаются; люди, которые часто далеки от внешнего мира и одиноки...

Машины за окном проносятся мимо: одна, другая, третья... В комнате отбивают моменты жизни часы: тик-так, тик-так... Как-то грустно и одиноко... Темно, надо засыпать. Закрываю глаза. Класс, перемена, бессмысленный говор.

Вскоре все по двое, по трое разбрелись из класса по коридору и о чём-то оживлённо беседуют.

Я, как всегда, одна в классе сижу и пишу в своём дневнике. Поворачиваю голову. А... вот и та самая сплетница. Раньше я о ней так не думала. Но однажды я написала в своём дневнике, кто мне нравится из класса, и она, без спроса прочитав, всем всё рассказала. Мне она улыбается, а когда я отвернусь, начинает усмехаться. Мне обидно... Но если с ней поссориться, то она может весь класс сразу настроить против тебя. Я уже ссорилась. Мне всё равно, плевать! И как это у неё так ловко получается?

Возникает другая картина.

Я в школе, у нас праздник – Новый год. Придумали какие-то дурацкие конкурсы: отгадывать избитые, всем известные загадки. Стараюсь не принимать во всём этом участия. Да впрочем, всё равно моего голоса не будет слышно. А если и услышат, то не обратят внимания. Я спокойно сижу на стуле и смотрю куда-то вверх, мимо всего этого...

Опять какой-то праздник. Классный концерт. Я сыграла на пианино первую часть фамажорной сонаты Моцарта. Иду по коридору. Вижу ту самую сплетницу.

– А... – протянула она. – С праздником. – И тихо добавила: «Дура».

Я подошла к ней вплотную и спросила:

– Что тебе от меня нужно?

– А ничего! – ответила она запальчиво. – Ну и что, что ты пишешь целыми переменами?

Ну и что, что ты играешь на пианино? Всё равно все в классе смеются над тобой! Ты ведь жирная! Уродка! К тому же двоечница и тупица!

– Прекрати! – с трудом проговариваю я.

– Да что ты тупая, даже наша классная говорила!

– Врёшь ты всё! Опять сплетничаешь!

– Говорила, говорила, когда тебя в школе не было. И ещё про бант твой говорила, что он тебе идёт как корове седло! – и она потянулась рукой к моему банту на голове.

Я перехватила её руку, закрутила её назад, и в следующее мгновение она оказалась на полу. Она закричала.

К ней, откуда ни возьмись, все сбежались.

Опять праздник – Новый год.

Вожу взглядом по потолку, сторонам и останавливаю его на своём самом лучшем друге...

Он улыбается, но не мне... Его веселит его друг.

Странно, но он не знает ещё, что он мой друг, а я знаю...

Всех позвали играть в какую-то игру. Я не пошла, и он тоже. Я села на стул за его спиной и почему-то говорю ему:

– Это я!

Он поворачивается и улыбается. Соскакивает со своего стула ко мне и, продолжая улыбаться, просто берёт меня за руку. Я робко сжимаю его руку.

– Ты знаешь, ты – мой самый, самый лучший друг!

Он спокойно отвечает:

– Я знаю.

У меня на глаза почему-то наворачиваются слёзы. Я вдруг чувствую необходимость ему пожаловаться и выплеснуть все свои обиды на одноклассников и рассказать, как эта сплетница и ещё несколько одноклассников кидают в меня ручки, бумажки, обзывают обидными словами, даже пытаются больно ударить дверью, когда я захожу в класс. Одним словом, достают каждый день, и всё это из-за моей «нестандартной» фигуры, что я не такая худая, к тому же выше всех! Что я из-за этого в школу иду как на каторгу. И я мечтаю уйти отсюда далеко-далеко... Он прочёл всё в моих глазах:

– Пойдём, – сказал он. – Пойдём отсюда!

– Пошли! – обрадовалась я.

И мы пошли со своим другом, взявшись за руки.

Мне вдруг необычно стало легко и хорошо...

Мои глаза открылись.

Быстро пройдя по комнате глазами, я поняла, что всё это мне только приснилось.

Я не верю, я не верю: неужели всё это действительно в прошлом? На мгновение мне стало смешно. Но лицо приобрело серьёзное выражение. За стеной прозвенел будильник. Я вздрогнула. Значит, на часах было полвосьмого утра: пора вставать, пора учиться!

Но в этот класс я уже не пойду, потому что уже давно учусь в другом. И мой друг учится в другом классе, правда, он ещё не знает, что он – мой друг...

Лучший друг

Они были лучшими друзьями.

Его звали Денисом (мальчик высокий, с красивыми серыми глазами и хлопающими ресницами), а его лучшего друга – Глебом (маленького роста, коренастый, с полукруглыми бровями). Они учились вместе и дружили с первого класса. Всегда и во всём друг другу помогали.

Денис души не чаял в своём лучшем друге Глебе.

Эта история началась в начале их десятой школьной осени.

– Смотри! – сказал Денис однажды, когда они, как всегда, вместе гуляли в школьном палисаднике.

Среди травы валялся дорогой сотовый телефон.

– Сотик, – радостно заметил Глеб.

– Надо сообщить о нашей находке по школьному радио, – сказал Денис, бережно поднимая телефон.

Глеб поднял голову и внимательно посмотрел на Дениса.

– Ты рехнулся?

– Действительно, – поддержал Глеба другой мальчик, их одноклассник Михаил, шедший с ними.

– А что? – спросил Денис, взглянув на друзей с удивлением.

– Мы можем продать телефон и выручить за него деньги... Чуешь? Глеб в упор посмотрел на Дениса.

Глаза у Михаила загорелись.

– Нет, Глеб, мы должны его вернуть! – возразил с чувством Денис.

– Ты – дурак, Денисыч! – продолжал уговаривать его Глеб. – Скажи же, Миха!

– Да! – подтвердил тот, которого звали Михаилом, мальчик среднего роста с волчьим оскалом.

– Нет! – отрезал Денис и нахмурился.

– Ну, как хочешь, – разочарованно вздохнул Глеб. – Пойдёмте лучше около «Газовика» на роликах покатаемся! – заметил он с улыбкой, как ни в чём не бывало.

Мальчики его предложение дружно поддержали.

На следующий день в школе к ребятам поспешно подошла учительница иностранного языка, их классный руководитель, и, обняв их, начала восторгаться:

– Молодцы, мальчики! – Людмила Витальевна расплылась в улыбке. – Эта пятиклашка была просто счастлива, когда вы на торжественной линейке вернули ей потерянный телефон! И директор школы была очень довольна!

Денис, Михаил и Глеб улыбнулись.

– Старались, – ответил Глеб Людмиле Витальевне.

– Ну, пошли, нас уже заждались, – выплюнув жвачку, объявил Глеб Михаилу и Денису, когда они остались одни. – Я сказал родителям, что сегодня на свой день рождения позову только самых лучших своих друзей!

Польщённые Михаил и Денис направились домой к Глебу.

– Вот и именинник пожаловал! – приветливо воскликнула мама Глеба.

– И гостей привёл, – шутливо заметил старший брат Глеба Антон.

– Вначале всем мыть руки! – скомандовала мама Глеба.

Мальчики послушно последовали в ванную.

Денис первый помыл руки и ждал Глеба и Михаила, но его внимание отвлекла мама Глеба, которая, накрывая на стол, с интересом расспрашивала Дениса о том, как прошла школьная линейка, о пятикласснице и её телефоне.

Оставшись наедине с Глебом, Михаил тихо спросил:

– Слушай, Глеб, а сколько бы мы выручили за телефон?

– Ну... – подумал Глеб, прищурившись. – Я думаю, тысяч девять.

Михаил даже причмокнул.

– Но что теперь считать? – сказал Глеб, раздражаясь. – Всё равно его уже нет!

– Такие деньги потеряли! – досадовал Михаил.

– Ладно, проехали!.. – Глеб махнул рукой.

– Если бы не Денисыч, разделили бы поровну деньги, и баста! – воскликнул опять, разгорячившись, Михаил.

– Успокойся... – Глеб скорчил недовольное лицо. – Подумаешь! – Пошли лучше день рождения праздновать!

Денис улыбнулся появившимся в комнате товарищам.

Подарки мальчики подарили Глебу ещё в школе, поэтому гости с именинником немедленно уселись за стол.

– Гулять будем! – воскликнул Глеб, делая ударение на слове «гулять», и его брови-полукруги округлились ещё больше.

Начался оживлённый разговор. Родители и его брат удалились, оставив мальчиков за столом втроём.

Смех, шутки, веселье... Никто не вспоминал ни о телефоне, ни о деньгах... Все непринужденно говорили тосты, чокались бокалами, а когда стали расходиться, Глеб ещё раз поблагодарил своих друзей, в особенности Дениса, который был невероятно рад, что его подарок понравился Глебу.

Ребята, довольные и счастливые, разошлись по домам.

Осень быстро уступила место зиме, которая в том году распорядилась так, чтобы снега вдоволь хватило на весь город. Метель лихо подметала городские улицы, закручивала высокие сугробы, остужая случайных прохожих. Пролетев мимо школы, бросила в окно снежную горсть, где в этот момент учительница по литературе Лидия Алексеевна раздавала всем задания с такой щедростью, как будто это были новогодние конфеты. Метель завывала как ненормальная, с шумом дёрнув железный подоконник, от чего Лидия Алексеевна натянула платок чуть ли не на нос.

– Денис, у тебя будет ответственное задание: подготовить материал о празднике во дворце «Газовик» для школьной стенгазеты, – сказала она важно. – Подготовь фото и статью.

– Хорошо, Лидия Алексеевна, – кивнул головой Денис, которому очень нравились творческие задания.

После урока литературы был урок биологии.

Учитель по биологии, Виталий Алексеевич, мужчина высокого роста, деловито выставив очки на нос, объявил о зачёте в конце полугодия.

– Ты что-нибудь учил по биологии? – спросил Глеб Дениса.

– Нет, слушай, дашь списать?

– Не вопрос!

Глеб протянул Денису тетрадь по биологии.

– Я спасён, – потёр руки Денис.

– А почему не выучил? – поинтересовался Глеб.

– Да ты знаешь, вчера со Снежанкой допоздна догулялся! – улыбнулся Денис.

– А... – протянул Глеб. – Понятно... Ну, и?

– Что «и»? – прищурился Денис.

Глеб испытующе смотрел на него.

– Поцеловал её... – проговорил Денис.

– Хм... Что и следовало ожидать! – воскликнул Глеб, улыбаясь. – Когда ещё встретитесь?

– Не знаю... Нескоро, наверное... Ты слышал, что сказал Виталий Алексеевич?
– Что-то про то, что мы обязательно должны сдать зачёт по биологии в конце второго полугодия... – без интереса заметил Глеб.

– Вот именно, Глебыч! Я серьёзно намерен подготовиться к зачёту! Я обещал родителям, что у меня не будет в этом полугодии троек ни по одному предмету!

Глеб почесал в затылке.

– И я должен всё выучить и сдать, поэтому будет не до Снежаны...

Глеб вздохнул.

– Чертовски много учить! – воскликнул он.

– Ну, а что делать? – кинул вопрос в потолок Денис и после паузы добавил, передавая тетрадь. – Спасибо, друг!

– Всегда рад помочь! – улыбнулся Глеб.

Остальные уроки протекали плавно, и не торопясь.

Звонок с последнего урока будто разбудил всех.

Школьники грянули на улицу с весёлым азартом на лицах.

Мороз каждому лично пощипывал нос, а метель щедро осыпала шапки и шубы снежными хлопьями.

На следующий день, едва успело солнце проснуться, Денис приоткрыл веки. Его глаза сфокусировались на часах, которые показывали половину восьмого. В мыслях всплывала школа, но тут же исчезла, он вспомнил, что сегодня – воскресенье. Его ноги, неторопливо опустившись на ковёр, почувствовали прохладу, идущую от пола.

Денис открыл дверь ванной комнаты, и в зеркале показалось его невыспавшееся лицо. Оно растянулось в сладостном зевке, а руки поднялись вверх, обнимая пространство. Глаза в зеркале улыбнулись, наслаждаясь тишиной.

Потом он осторожно закрыл дверь в ванную и, мягко шагая, перебрался в кухню.

Денис опустился на табурет и задумался... Перед ним появилась Снежана. Запутавшись в его мыслях, она не могла выбраться из его головы, да он и не желал этого. Он думал о ней снова и снова... Красивая, ласково смотрящая на него, в его мыслях она сидела на его коленях, а он смотрел в её глаза...

Вдруг истошно завопил будильник. В соседней комнате проснулись родители. Мечтательный туман рассеялся...

После завтрака мама сказала:

– Денис, возьми с собой папин телефон. Будешь им снимать праздник в «Газовике», а вечером мы за тобой заедем и отвезём тебя домой вместе с Глебом и Михаилом. Ладно?

Она весело тряхнула шатеновыми кудряшками.

– Угу... – Денис задорно улыбнулся и кивнул головой, скорчив весёлую рожицу.

– Ну, не от мира сего... – покачала головой мама.

– Я?! – удивился Денис.

– Конечно, ты! Радостный мой! – воскликнула мама и обняла его. – Ваша Лидия Алексеевна – большая выдумщица! Разве можно такому, как ты, давать такие задания?!

– А почему нет? – улыбаясь, поднял брови Денис.

– Да ты вместо очерка о празднике в «Газовике» напишешь стихи о любви! – засмеялась мама.

Денис пожал плечами.

– И вообще, живёшь в каком-то розовом мире. С первого класса окружают тебя твои выдуманные эльфы, волшебницы – герои, которые вместе с тобой, как ты думаешь, читают стихи...

– Это плохо, мама? – спросил Денис, положив ей голову на колени.

Она задумалась.

- Мама, но разве у меня не замечательные друзья?
– Друзья твои не эльфы и не волшебники, и они не читают стихов!
– Ну, не знаю, что они там не читают... – проговорил Денис. – Но у меня самые замечательные друзья на свете!
– Ты – романтик! – воскликнула мама и засмеялась.
– Ненормальный романтик! – захохотал Денис, взъерошив на себе волосы.
Когда после праздника мальчики вышли из «Газовика», метель, казалось, совсем успокоилась.
Прищурившись, Глеб сказал Денису:
– Слышь, давай не будем ждать твоих родителей, а сами дойдём. Ещё светло... Мы раньше придём!
Денис колебался.
Михаил тоже стал уговаривать Дениса идти.
– Ладно, – согласился Денис. – Пошли!
Трое ребят шли, весело разговаривая, обсуждая праздник.
– Парам, парам... Траля-ля! Слышь, ты не помнишь, какая там песня была? – спросил с интересом Глеб Дениса.
– Да ты её сам напеваешь! – воскликнул, смеясь, Денис.
– Да только мелодию! А слова-то забыл! – крикнул весело Глеб. – Траля-ля...
– А мне праздник понравился! – бодро вставил Михаил. – Там пара девчонок вообще суперские были...
– Ну и что, не познакомился? – прищурился хитро Глеб.
– Ага! – протянул Михаил, – познакомишься! Только я подошёл и начал разговаривать, как рядом такие громилы объявились – извини, подвинься! Думаешь, я могу этаких горилл отдубасить?
– Да... – задумался Глеб, – с такими и я не справился бы! Размозжили бы все мозги мне, на фиг! Правда, Денис?
– Ещё бы! – согласился Денис. – Они действительно нам всем бы проломили черепа! Ну, слава богу, наши черепушки целы!
– Ха-ха! – засмеялся Глеб. – Так что ты опять, Миха, остался без девушки!
– Да у него же есть Оксанка! – воскликнул Денис.
– Оксанка? Кинула давно его эта Оксанка, и тебя твоя Снежанка!
– Ну... – проговорил недовольно Денис, – не говори, пожалуйста, так о Снежане... Она – милый, чудесный человечек... Если бы ты знал...
– Если бы я знал, как она целовалась в засос с этим дуриком Гришкиным, будучи моей девушкой, я бы давно её бросил!
– Перестань! Это сплетни! – воскликнул раздражённо Денис. – Она любит меня... – При этих словах его глаза засияли. – Она... Она – богиня!
– Ну ты даёшь! Да ты – поэт!
– Я даже её недостоин!
– Ну, это ты брось! – заявил с чувством Глеб. – Такой парень, и недостоин! Верно же я говорю, Миха? – спросил он, пустив в Михаила горячий пар, шедший из его рта, как будто от дыма сигарет.
– Конечно, – громко согласился Михаил.
– Брось! – повторил Глеб и дружески похлопал Дениса по плечу.
Пока они шли, уже стемнело.
Вдруг из темноты возникли несколько высоких парней.
Оттолкнув Глеба и Михаила, они набросились на Дениса.
Глеб и Михаил сразу побежали.

Сначала Денис пытался сопротивляться, но силы были неравными. Парни были старше по возрасту и намного сильнее его. Они молча жестоко били его по лицу и пинали в живот, а потом, увидев, что он уже потерял сознание, быстро скрылись, оставив его на снегу...

Спустя какое-то время Денис очнулся. Посмотрел кругом... На момент всё показалось красным... Сильно болело всё тело, в голове шумело...

Он посмотрел на снег, который был испачкан каплями крови, будто усыпан багровыми вишнями. С трудом вставая, Денис обнаружил, что пропали меховая шапка и шарф. Денег и сотового телефона тоже не было.

Истекая кровью, избитый, Денис более часа добирался до дома по холоду, сторонясь прохожих и пряча лицо.

А через два дня был его день рождения.

На семейный ужин Денис пригласил своего лучшего друга Глеба, но тот не пришёл, сославшись на простуду.

В этот же вечер Денис начал учить биологию, по которой на завтра должен был состояться обещанный учителем зачёт.

Все тело его продолжало изнывать от боли, но Денис старался учить предмет, хотя, как назло, голова раскалывалась и не могла нормально работать.

– Плохо, Денис, – констатировал на следующий день учитель по биологии, равнодушно смотря через очки на Дениса.

– Виталий Алексеевич, я ещё болею. Разрешите мне пересдать, – попросил Денис, умоляюще взглянув на учителя.

– Нет, Денис! Ты должен был всё выучить к сроку, а теперь за полугодие у тебя будет плохая оценка! Да, знаю, что тебя избил, и это – прискорбно... – Он поправил очки. – Но я не могу идти на поводу у своих учеников.

Но тут Денис увидел классного руководителя.

– Людмила Витальевна, – обратился он к ней с надеждой. – Я ещё болею, я до конца не пришёл в себя и не успел выучить биологию...

Людмила Витальевна посмотрела на его побитое лицо и спокойно сказала монотонным голосом:

– Что я могу, Денис? Что же ты больной в школу пришёл?

– Ну вы же сами говорили, Людмила Витальевна, что все должны обязательно явиться и сдать биологию.

– Но надо было её просто выучить! В любом состоянии можно выучить биологию, это не иностранный язык! И вообще, вся эта ваша история с дракой директору очень не нравится...

Она прошла мимо.

– Ты уйдёшь из этой школы, Денис, – сказала ему мама, когда они возвращались вместе домой. Она теперь каждый день провожала Дениса из школы.

Денис ничего не ответил, а только кивнул...

По пути им встретился Михаил. Он хотел быстро пройти мимо, но мама Дениса резко остановила его.

– Может быть, ты всё же расскажешь, что произошло тогда?

– Я же говорил, – затараторил Михаил. – Я испугался и убежал!

– Это я слышала! – мама Дениса грозно посмотрела на него.

Он весь сжался, словно был бумажкой, которую стискивали в кулаке...

Мама продолжала на него испытывающее смотреть.

Михаил, долго не поднимая глаз, наконец тихо сказал:

– Это Глеб заказал...

Денис вздрогнул от неожиданности.

– Ты врешь! – закричал он, порывисто наступая на Михаила.

– Нет, – запальчиво ответил Михаил. – Тебя избили друзья старшего брата Глеба... Они уже продали твой телефон. Глебыч не мог тебе простить историю с пятиклашкой, что ты лишил его тогда денег... А мне, – добавил он уже менее уверенно, отворачиваясь. – Такие деньги не нужны...

– Мама, этого не может быть, – с надеждой обратился Денис к матери. – Ведь Глеб – мой друг с первого класса! Он – мой лучший друг!

– Открой глаза, Денис, и ты увидишь, что лучшие друзья могут быть лучшими предателями...

Мама печально вздохнула.

– Это неправда, мама! – возразил с горечью Денис.

– Это правда, Денис!

– Но я ему столько доверял... Мы так дружили... Ты же помнишь?

– Да, мой друг, – сказала мама, обнимая его, – я всё помню.

Она прикусила губу. Ей было больно за сына. Она опять его прижала к себе.

– Мы это переживём, Денис!

– Он – мой лучший друг, – тихо повторил Денис.

Мама ещё крепче его прижала к себе.

– Мы это переживём...

Тсс...

Посвящается Татьяне Николаевне Чекуровой

- Химичка идет! – крикнул Вовка Куропаткин.
– Тсс... – приложила палец к губам Ира Вязева. Все мгновенно замолчали.
В класс вошла Таисия Львовна, женщина довольно симпатичная, несмотря на свои годы. Она уже давно была на пенсии, но продолжала работать.
– Здравствуйте, ребята! Садитесь! – сказала учительница.
Бух!
– Что такое? – спросила Таисия Львовна.
– Карпатова вазу разбила, – заметил Шкуров.
– Я нечаянно, – протянула Карпатова.
– Уф, – произнесла Таисия Львовна. – Перепугала. Кто дежурный? Подберите осколки.
– А что это я-то?! – возмутилась дежурная Красова. – Сама разбила, пусть и убирает!
– Убирают дежурные! – серьезно сказала Таисия Львовна.
– Не буду я! – заупрямилась Красова.
– Кто ещё, кроме Красовой, дежурный?
– Кузьминченко, – сказал кто-то.
– Кузьминченко, – проговорила Таисия Львовна.
– А что я? Как что, так сразу Кузьминченко!
– Ты дежурная! – сказала учительница.
– Ну и что же! Я, например, так же, как Красова, считаю, что я здесь ни при чём!
– Значит, не хотите. Отлично! Обе к доске! Придётся тебе самой, Карпатова, убирать.
– Она не может, у неё рука сломана, – сказал Куропаткин.
Только сейчас Таисия Львовна заметила, что правая рука Карпатовой толще, чем левая, из-за гипса.
– Давайте я уберу, – решила Маргаритова.
Таисия Львовна кивнула, какой-то доброжелательный огонёк блеснул в её глазах.
– Вы сделали упражнения 2 и 4, которые были заданы на дом? – спросила она девочек у доски.
Обе отрицательно покачали головами.
– Два, – сказала Таисия Львовна.
– Мы дежурные, – пробурчала Кузьминченко.
– Ну и что? – спросила Таисия Львовна. – Садитесь! Почему на столах книг нет?
Красова со злостью кинула учебник на парту.
Маргаритова подняла руку.
– Что такое? – спросила её учительница весьма дружелюбно.
– Можно ответить 2 и 4? Я сделала.
Таисия Львовна одобительно кивнула.
Маргаритова, вызвав зависть нескольких человек, ответила на «5».
Урок прошел не очень хорошо, но более или менее спокойно.
На перемене Маргаритова подошла к Красовой и Кузьминченко.
– Что вы так себя вели?
– А что?! – спросила вспльчиво Красова.
– Ведь не из-за того, что Карпатова эту злосчастную вазу перевернула, вы не хотели убирать? Она же ни при чем! Это вы Таисию Львовну злили.

– Злюка эта Таисия Львовна! Что её защищаешь? Как зайдет, рявкнет на всех и «два» поставит! Никто её не любит!

– Вы её просто не понимаете! – возмутилась Маргаритова.

– Ага! – воскликнула Кузьминченко. – Пятёрки получаешь, вот и защищаешь!

– А вы тоже получайте! – сказала Маргаритова.

– Заливай, заливай! – воскликнула Красова. – У такой злочки фиг хорошую оценку получишь!

– Ну вас! – воскликнула Маргаритова. – А зря вы так! Она хорошая, а вы нападаете на неё, злите! Кстати, она знает, что вы о ней думаете!

– Ну и слава богу! – заметила Кузьминченко.

Маргаритова заглянула в маленькую комнатку-подсобку, присоединённую к классу химии. Там их учительница часто находилась в перерывах между уроками.

Маргаритова с робостью заглянула за дверь, она никогда не заходила в это помещение, и теперь ей стало неловко. Внутри никого не было... Она зашла.

По стенам – шкафчики. В середине – небольшой, забитый бумагами квадратный столик.

– О, Алеся – из-за загородки выглянула Таисия Львовна.

Маргаритова улыбнулась.

– С днём рождения! – воскликнула девочка и протянула ей открытку и шоколадку.

Таисия Львовна удивлённо улыбнулась.

– Спасибо! – проговорила она и добавила, – если есть сладкое, значит, должен быть и чай, не так ли?

Маргаритова пожала плечами. Она вообще любила делать подарки учителям, которые ей очень нравились, просто так, от души.

А потом ученица и учительница долго и с удовольствием разговаривали и разошлись по домам, довольные тем, что понимают друг друга.

Разговор с Луной

– Луна, милая моя, светлая моя подруга тёмных бессонных ночей, скажи мне, ты же смотришь свысока. Почему люди друг друга обижают, почему не любят друг друга? Почему страдают?

– Эх, дорогая моя Землянка, так они устроены. Так вы все устроены. Не можете быть счастливы, пока друг друга не измучаете.

– Но что делать, Луна? Посоветуй со своего небесного поста.

– Землянка, люди-то сами разобраться не могут, а я и подавно. Лучше у Земли спросить. Все вы по ней ходите, всех она вас знает.

– Земля-матушка, расскажи, матушка, объясни. Почему люди страдают, мучают друг друга?

– Что ответу тебе, дочь моя, сложный этот вопрос для меня, Земли. Сложно вас всех понять. Вы такие разные. Сложно разобраться в вас. Вы такие непредсказуемые. А посмотрю я на себя. Такая неухоженная, мусором заброшенная, невспаханная и думаю: «Когда же обо мне позаботятся?»

Луна и Звезда

Говорила как-то Луна Звезде:

– Завидую тебе, Звезда! Ты так высоко светишь на небе! Такая яркая, красивая. Хоть и маленькая. Ты с высоты видишь и слышишь больше меня. Я же – полная и бледная! И живу в постоянной зависимости от Земли. Я – её вечный спутник. А ты – Звезда!

Отвечала Звезда Луне:

– Луна, как же я завидую тебе. Ты большая и заметная, вращаешься около Земли! И пусть ты зависишь от неё, но и она тесно связана с тобой. А поэтому ты будешь жить до тех пор, пока существует она. Да, на меня с завистью смотрят, восхищаются и загадывают желания, ведь я – Звезда! Но звёзды падают...

Туман

И теперь, и тогда – всё это было для меня как в тумане. А это, собственно, и был туман...

Туман... В этом явлении есть что-то загадочное и даже пугающее. Хотя, возможно, это только мои ощущения, а для других туман – естественное физическое явление, в котором нет ничего особенного.

Был конец зимы, и приближалась весна, вернее, надежда, что она приближается. Весь город тогда закрылся туманом, как плащом. В это время года туманы бывают особенно часто. Контуры домов и деревьев по краю улицы стали размытыми, как на картинах импрессионистов. Противоположную улицу из-за тумана не было видно совсем.

Я спокойно шла по тихой, безлюдной улочке и не заметила, как вдруг сама оказалась в густом белом облаке.

И тут неожиданно услышала сзади чьи-то шаги. Я оглянулась, но что же можно увидеть в белом пространстве? Мне стало жутковато. Продолжала идти вперед, а чье-то дыхание навязчиво «шло» за мной. Волнуясь, прибавила шагу, мне хотелось скорее пройти сквозь молоко тумана. И тут услышала, что шаги за спиной тоже ускорились. Дрожь прошла по спине. В моём сознании пронеслись сцены из детективных фильмов. Показалось, что уже чувствую дыхание маньяка на затылке. Стало совсем страшно, я ещё ускорила шаг и, наконец, побежала. Туман не рассеивался, дыхание и тяжёлые шаги преследовали меня. Я уже слышала за спиной звуки хриплого мужского голоса. Бежала что есть сил, но вдруг поскользнулась и упала... Свежий ветерок щекотал мою щёку. Туман стал отплывать назад.

Около себя я увидела плотного розовощекого парня, который, переводя дыхание, протягивал мне свою большую ладонь, чтобы помочь подняться.

– Спасибо, – нерешительно взяв его руку, смущённо пробормотала я, вставая и отряхиваясь от снега.

Он смотрел на меня и широко улыбался. Я тоже выжидающе глядела на него, ничего не понимая.

– Вот, возьмите, – неожиданно, тоже почему-то смущаясь, произнёс он приятным баритоном. В руке у него была моя перчатка.

– Вы уронили её, а потом скрылись, – улыбаясь, он кивнул в сторону туманного клуба.

– И вы за мной шли?! – удивилась я.

– Да, – просто сказал он, – чтобы отдать вам.

Парень протянул мне потерянную вещь, быстро повернулся и исчез в тумане.

А я стояла одна посреди улицы, в голове был туман. И всё случившееся для меня было как в тумане, да это, собственно, и был туман...

Чёрные свечи

– Может, зайдёшь ко мне? – спросила моя подружка Нелли, когда мы прощались около её дома.

– Уже поздно, – заметила я, смотря на мурло показавшейся луны.

– Да ладно, я тебя провожу потом, – сказала Нелли.

Я помялась.

– Хорошо.

– У меня дома никого нет, – радостно сообщила подруга.

Я улыбнулась. Это чувство свободы мне было знакомо.

Ещё с детства часто оставалась одна дома, и мне это безумно нравилось. Что уж говорить, сплетничать наедине с подругой – это вершина блаженства.

Нелли, как хозяйка, распорядилась ужином, но до того показала мне новую компьютерную игру.

Я на правах гостьи попыталась заинтересоваться, хотя если признаться честно, уже давно отвыкла от этих игр.

Здесь также необходимо указать, что я была старше Нелли на три года, а это всё-таки разница.

Однако я совсем о другом.

Картошка с мясом и маринованными огурчиками была необыкновенно вкусной. Хотя смотря на время – было 22.00, я невольно отмечала про себя, что каждая съеденная мною капелька превращается в жир.

– Ой, – вздохнула радостно Нелли. – Так здорово, что нас двое.

– Да, – согласилась я.

– Знаешь, мне сегодня такой сон приснился... В смысле, этой ночью.

– Какой? – искренне заинтересовалась я.

– Как будто бы сидим мы за столом у тебя дома. А он какой-то странный. Коридоры одни. Ты в яркой одежде, а твои родители в чёрном, а на столе – чёрные свечи...

– У кого день рождения-то был? – спросила я весело.

Ей стало смешно.

– Не знаю, – ответила она.

– Не бери в голову, – заметила я.

Она качнула головой.

Мы перевели разговор на другую тему.

– Пошли телевизор посмотрим, – предложила Нелли.

– Давай, – сказала я. – Но недолго.

– Слушай, может, ты у меня ночевать останешься? – спросила подружка.

Я пожалала плечами. Предложение было заманчивое, тем более что я никогда не оставалась у кого-то ночевать.

Позвонила родителям. Они, на удивление, согласились.

– Ура! – воскликнула Нелли.

Неожиданно раздался телефонный звонок.

– Да, – услышала я голос Нелли. – Ладно. Аня со мной останется. Ага. Конечно! Телевизор смотрим.

– Что? – полюбопытствовала я и поймала себя на мысли, что спрашиваю с надеждой.

– Никто не придёт. Все остались у родственников ночевать.

– Здорово! – воскликнула я, как в детстве, и мы долго сотрясали весь дом бесконечными прыжками и объятиями.

После того как вволю нарадовались, устали и успокоились, решили всё-таки посмотреть телевизор, про который забыли.

Нелли долго созерцала затянувшуюся рекламу, после чего констатировала, что «глядеть не на что». Однако предложение последовало незамедлительно.

– Давай страшилку посмотрим, – предложила она.

– Ой, – сказала я, тут же вздрогнув. – Ты знаешь, мне после них кошмары снятся, да ещё заснуть не смогу до четырёх, хотя...

Снова заманчивое предложение.

Нелли тоже задумалась. Она была не из тех, кто настаивает, поэтому я поспешила утвердиться с решением.

– Давай! – согласилась я. – Но как страшно станет – вырубим!

Не помню, что именно мы смотрели, но мне было очень весело, потому что в компании сразу вспоминала, что в страшилке снимаются актёры, массовка. Поэтому, возможно, даже несколько испортила ожидаемый эффект, хотя в целом фильм, безусловно, на меня возымел какое-то воздействие. По крайней мере я была рада, когда он закончился, потому что не было уже сил смеяться.

Нелли облегчённо вздохнула – и от страха, и от смеха одновременно. Ей приходилось выполнять две роли: и пугаться, и смеяться.

И тут неожиданно погас свет, и мы обе замерли, вслушиваясь в тишину.

Минуту, пока молчали, стояла невыносимая тьма, но, о чудо, свет включился. И мы опять пришли в состояние, которое у нас было после просмотра фильма. Хотя и присутствовала некоторая взволнованность.

– Уф, – вздохнула Нелли. – У меня даже сердце перестало биться.

– Ну ты даёшь! – только и смогла сказать я и задумалась.

– Надо чаю попить, – заметила Нелли.

– Угу.

– Или спать, – проговорила она задумчиво.

Где-то далеко завyla собака.

Нелли вздрогнула.

А я решила спеть что-то весёлое, на всякий случай. После того как собака завyla второй раз, Нелли вообще про чай забыла. Постелила нам постель и включила слабый ночник.

Подруга громко вздохнула и, мне показалось, вздрогнула.

Неожиданно хлопнула железная дверца калитки.

Нелли соскочила с постели.

Я тоже, как по команде.

– Кто это? – спросила шёпотом.

– Не знаю, – ответила она тихо. – Никто не должен. Все – только завтра.

– Точно? – спросила я.

– Тихо, – прошептала Нелли в страхе.

Шаги осторожно шлёпали по грязи. Потом они остановились! Мы прислушивались.

Они тихо продолжили своё странствие к входной двери и потопали на пороге. Затем мы услышали, как дёрнулась дверь.

Ночник потух. Мы замерли.

В дверь постучали один раз. Нелли не шевелилась.

Было темно.

– Может, проверим, кто это? – предложила я.

– А как? Свет опять отключили.

Стояла тишина. Мне уже надоело. Я зевнула и легла. Вдруг неожиданно в дверь со всей силы ударили, как мне показалось, – ногой. Теперь я даже поднялась с кровати.

– Ничего себе, – проговорила Нелли и тоже встала, я ощутила её дыхание рядом со своим ухом.

– Пошли, – сказала я.

Мы нащупали пол.

В дверь опять сильно ударили.

Нелли подошла к двери и крикнула:

– Ты что?! Придурок чокнутый! Хватит дверь ломать! Сейчас милицию вызову!

– Нелли, ты что, дура что ли? – за дверью раздался знакомый мне голос её брата Арсения.

Подружка тут же открыла дверь.

– Ты что, Нелли?! – воскликнул Арсений, не видя меня и забегая в комнату.

– А нечего так побираться! – крикнула его сестра. – Мы испугались!

– Кто это «мы»? Ты и три кошки, что ль? – он усмехнулся.

– Привет! – сказала я, и лунный свет озарил моё лицо, потому что я вышла из темноты.

Арсений на секунду замер, а затем пробасил несвойственным себе голосом ответное при-
ветствие.

– Аня у меня ночевать осталась, – заметила Нелли. – А ты что пришёл?

– «Что пришёл»? – передразнил её брат. – Что в темноте сидите?

– Электричество отключили, – пояснила Нелли.

Арсений нажал на выключатель – свет включился. Мы переглянулись.

Он с удивлением посмотрел на нас.

– Ну, вы запуганные какие-то.

– Так что тебе надо? – спросила Нелли.

– Кое-что нужно взять, – сказал вяло брат.

– А что именно? – не успокаивалась моя подружка.

Арсений махнул рукой.

– Ну? – Нелли дёрнула его за рукав.

– Да забыл! – разозлился Арсений.

Он нашёл телефон и, поворчав, удалился.

По-моему, мы обе облегчённо вздохнули. Однако свет погас снова.

Тихо в темноте мы пробирались до постелей. Не знаю, как Нелли, но я точно.

– Ой, – сказала она, вздохнув. – Мне кажется, мы сегодня вообще не уснём.

В мои планы это не входило, хотя и хотелось поболтать. Усталость сковывала глаза и весь организм.

Свет снова включился, а вместе с ним заиграл мой телефон – сработала напоминка о том, что нужно спать. Я поспешно её выключила, а Нелли начала щёлкать выключателем ночника.

– Лампочка кончилась, – пояснила она, когда попытки включить ночник не удались, и пошла искать запасную.

– А знаешь, – сказала я, – сегодня, наверное, День домового.

Нелли остолбенела, и свет снова выключился.

Моя подруга с шумом забежала в комнату и захлопнула дверь, как я определила по гро-
хоту.

– Ань, я тебя прошу, не надо всё это рассказывать.

Свет включился.

Мне стало не по себе. Если честно, уже жалела, что осталась.

Нелли вышла и продолжила искать новую лампочку для ночника.

Наконец поиски увенчались успехом.

С довольным видом она завинтила запаску в патрон, спокойно закрыла дверь и ...свет погас.

Даже мне уже это не нравилось. От всего оптимизма и следа не осталось. Неожиданно что-то грохнулось.

Я вздрогнула. Свет включился.

Нелли долго не решалась выйти из комнаты. В результате – вышли обе.

Выяснилось, что кошка свалила чашку.

Где-то завывла собака.

– Ой, мамочки! – воскликнула в ужасе Нелли.

Я, чтобы рассеять тревогу и успокоить подружку, сказала с улыбкой (хотя, признаться, сейчас мне хотелось делать ноги из дома):

– Не волнуйся, это электрики идиотизмом занимаются!

Свет выключился.

– Мама, – вскрикнули мы обе и забежали в комнату.

– Слушай, давай, как только свет включится, напьемся валерьяны, – предложила Нелли.

– Давай, – согласилась я.

Свет включился.

Мы выпили валерьяны, но, как только вернулись, он снова отключился.

Неожиданно раздался топот по дому. Кто-то ходил...

Мы обе прислушались. Шагать продолжали.

Освещение вообще не включалось минут двадцать. Кто-то топал по комнате. Свет включился, и всё стихло. Где-то полчаса мы молча сидели на кроватях.

Потом в три часа ночи уснули.

На следующий день были разбитые, но более или менее выспавшиеся (проснулись в 12.00). Мы радостно завтракали, но перед этим под диваном обнаружили ёжика. Вот кто топал в темноте!

Как мы были рады, что всё объяснилось. Тут зашла мама Нелли.

– Доброе утро! – сказала она. – Завтракаете?

Мы поздоровались и подтвердили, что у неё не обман зрения.

– А между прочим, мы сегодня не пойдём к нашей общей знакомой бабушке Фросе.

– Почему? – спросила Нелли.

У бабушки Фроси был день рождения, на который были приглашены и наша семья, и семья Нелли.

– Потому что она умерла, – сказала мама.

– Прямо в свой день рождения скончалась?! – воскликнула Нелли.

– Вот тебе и чёрные свечи, – сказала я.

– Ага, – подтвердила подружка.

Меня взволновала эта новость, хоть бабушка Фрося нам и не родная, мне она очень нравилась, тем более что была нашей соседкой.

– Что за чёрные свечи? – спросила мама Нелли.

– Да это мне вчера приснилось, – ответила та.

– Боже мой!

А на следующий день, когда я спала уже у себя дома, мне позвонила подружка и сказала:

– Ночью кто-то опять топал. Думала – ёжик, но его дома не оказалось. А около своей кровати я обнаружила записку с чёрной ленточкой: «Доверяй своим предчувствиям и снам».

Колдунья

Приехала из города семья: папа, мама и их дочка.

Я не знал о них ничего, ровным счётом – ничего. Жил тогда на окраине деревни, можно сказать, на отшибе. Наша семья к тому времени только переехала из района в город. Поэтому я не считал себя ещё ни городским, ни сельским. Жил и учился в городе, а летом приезжал в деревню к своей тётке. Но я немного отошел от того, о чём начал писать... Просто меня отвлекают от изложения комары и всякая разная нечисть – мошки, жуки, которым непременно надо ползать по листу моей и без того испачканной тетрадки...

Так вот, меня эта самая семья заинтересовала, и, конечно, небезосновательно. Их шестнадцатилетняя дочка (хотя выглядела она гораздо старше своих лет) была невероятно красива. Такая высокая, с подчёркнутой талией, чёрными волнистыми волосами, большими карими глазами из-под чёрных вразлёт бровей, которые были как будто нарисованы, нежно-розовым румянцем на щеках. И, что интересно, без всякой косметики!

Я расспрашивал о ней у местных жителей и после всего услышанного был если не напуган, то по крайней мере в полном недоумении. Хотя не очень-то верил во всё, что рассказывали.

В общем, заинтересовался ещё больше.

По селу о ней ходили слухи, а её семнадцатилетний сосед Толик это точно подтвердил. Будто, когда наступает ночь, она выходит во двор, начинает кругом бродить, что-то нашёптывая. А днём видели, как она брала игрушки и, оторвав им головы, клала на доски на солнце, ходила около них и что-то опять шептала.

А ещё говорили о ней, будто ни с кем из сельских парней она не общается. Правда, есть у неё подружка в селе, но и та такая же «ненормальная», как и она. В общем, пояснили, что они – «два сапога – пара».

Меня влекло всегда всё таинственное. Хотя эта девушка была совсем юная, а мне на тот момент шёл уже двадцать первый год, я решил, что познакомлюсь с ней обязательно. Но мне хотелось это сделать как-то ненавязчиво, как бы случайно. Но как? Момент я отыскал, как мне показалось, самый подходящий.

От Толика узнал, что эта самая «колдунья», как о ней говорили втихомолку, как только спадает жара, часов в шесть вечера, прячется в кустах крапивы на задках своего огорода и шепчет там свои заклинания часа два, а то и больше.

На следующий вечер, около шести, осторожно пройдя по задкам к их огороду с картошкой, я спрятался за ближайшим деревом и начал ждать. Постоял полчаса, но никого не было, полчаса везде было тихо.

Я уже устал стоять и присел. Ещё через полчаса стал думать, что она не придёт вовсе, и я просто болван. В течение всего следующего часа сидел за деревом и мысленно ругал себя, считая последним идиотом и обдумывая, как теперь незаметно уйти обратно. Вдруг скрип калитки прервал мои мысли. Кто-то вышел. Я осторожно встал, слегка выглянув из-за дерева. Это была она. Увидев её, я опешил. Она и вправду выглядела, как настоящая колдунья. На ней было ярко-красное платье из какой-то лёгкой материи с развевающимся подолом, подчёркивающее стройную талию и высокую грудь, и соломенная широкополая, с такой же красной лентой шляпа. Такой я её ещё не видел! Хотя отметил, что она отлично вписывалась в сельскую картину, как, впрочем, и в городскую, наверное.

В руках она несла свёрнутое покрывало с длинными кистями и ещё что-то. После длительной засады я наконец взбодрился и с любопытством наблюдал за ней. Около небольшого, вырытого её отцом, прудика, под кустарником, она привычно развернула покрывало и удобно устроилась на нём, положив что-то на колени (со своего места я не мог рассмотреть точно). Потом, глядя некоторое время в небо (я тоже посмотрел вверх), колдунья начала что-то шеп-

тать. «Вот оно, – подумал я, – началось». Вдруг она что-то стала писать в тетрадку, которая и была у неё на коленях.

Колдунья ушла в себя и, казалось, ничего вокруг не замечала.

Вдруг в щели забора соседнего участка я увидел знакомую фигуру, тоже наблюдающую за ней. Пригляделся. Так и есть! Это был тот самый её сосед – Толик, парень невзрачный и ничего из себя не представляющий. Я встречал много балбесов, но такого видел впервые. Я понял, что он следит за ней днём и ночью. Меня, вероятно, он тоже заметил.

Ещё немного посидев в засаде, я мысленно собрался и, взяв дыхание, вышел из своего убежища в её сторону.

Услышав мои шаги, она вздрогнула и повернулась ко мне.

– Здравствуйте, – обратился к ней зачем-то на «вы» и почему-то оробев.

Она улыбнулась и с интересом посмотрела на меня.

– Здравствуйте.

Теперь уже и я улыбнулся.

– Вы здешний или из города? – спросила она после некоторой паузы.

– Из города.

Немного осмелев, добавил:

– Я могу присесть?

Она слегка подвинулась и уверенно посмотрела на меня своими большими карими глазами.

– Можете.

Я сел и немного успокоился.

– В поисках вдохновения ходите по зарослям? – спросила она с некоторым подозрением.

– Не знаю. Наверное. А что вы пишете?

Колдунья взглянула на тетрадку.

– Рассказы.

– Правда?! – удивлённо воскликнул я и подумал, что правду-то она всё равно не скажет.

– А вы художник? – спросила она вдруг.

Я удивился.

– Нет, а похож?

– Просто гадаю. Здесь много живёт художников. – Вы, наверное, человек, работающий в духовной сфере.

Я слабо улыбнулся.

– Да просто решил свернуть домой через огороды. Но я люблю природу и стихи там всякие, чтобы их декламировать.

– Неужели?! – засомневалась она.

– Да, – сказал я и понял, что влип. От меня ждут декламации. Стал судорожно перебирать в памяти стихи, которые бы мог прочесть, но, как назло, ничего не вспоминалось. Пауза начала затягиваться. Неожиданно для себя вдруг начал:

*– Шаганэ ты моя, Шаганэ!..
Потому, что я с севера, что ли,
Расскажу тебе я о поле
И... и волнистую рожь при луне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ...*

Я остановился. Дальше не знал. Эти строчки сами как-то всплыли в памяти, но я даже и не помнил, откуда они.

Заметил на её лице усмешку.

– А дальше?

Я не успел ничего ответить, потому что она сама дочитала стихотворение до конца.

Вообще, если говорить честно, стихи я не очень-то люблю, вернее, совсем не люблю. Читаю в основном детективы, ну и про мистику там всякую. Но когда она произносила эти строки, странное дело, я даже заслушался.

Голос был низкий и певучий, как бы завораживающий.

«Настоящая колдунья», – подумал я и глубоко вздохнул.

– Ну... ну, если честно, – начал после некоторой паузы, – я вас здесь ждал.

– Правда?!

– Да. О вас ходят слухи, что вы – колдунья.

– Да ну?? – опять удивилась она.

– Угу. А вы не знали?

– Даже не думала, – призналась она. – А-а, и вы пришли ко мне за приворотным зельем?

Я усмехнулся. Если бы за этим.

– Совсем нет. Мне просто стало интересно.

– М-мм... Удивительно. Очень удивительно! Никогда бы не подумала, что меня считают колдуньей. А позвольте спросить, кто именно так считает?

Я оглянулся. Толика не было видно, впрочем, в любом случае, я не собирался его выдавать.

– Не могу вам сказать, – ответил я уклончиво.

Она улыбнулась и задумалась на какое-то мгновение.

– Как вас зовут? – спросила она вдруг.

– Андрей, а вас?

– Женя.

– Евгения?! – удивился я. – Для Жени вы слишком брюнетка.

– «Слишком брюнетка»? Как это?

– Ну, мне кажется, Евгении – обычно блондинки.

– Всё относительно!

Я улыбнулся.

– Так что вам там говорили обо мне? – спросила Евгения.

Я помялся, почему-то чувствуя себя перед ней мальчишкой.

– Говорят, что вы берёте игрушки, отрываете у них головы и кладёте на солнце. А потом ходите и шепчете около них.

На её лице выразилось удивление, а потом улыбка.

– Какой бред! Никому я голову не отрывала.

– Они сами теряют головы от вас, – улыбнулся я.

Она посмотрела на меня, не зная, что ответить. Или же подумала, что я идиот.

– Это комплимент, – добавил я.

– Спасибо, – сказала девушка, не думая смущаться.

– А... Вспомнила, – продолжала она. – Однажды я нашла свою старую игрушку, которая непонятно почему валялась на земле. Она попала под дождь и была вся грязная, голова отделена от туловища. Я её постирала и положила на солнце, чтобы высушить. Вот и всё!

«Странно», – подумал я.

– А что же вы нашёптывали? Почему гуляете только ночью?

– Ещё и такое говорили?!

– Да.

– Люблю гулять ночью, но только по собственному огороду. И ничего я не нашёптываю, а просто думаю иногда вслух. Я романтик.

– Я тоже, – сказал я и зачем-то поспешно добавил:

– На 60 процентов.

Женя усмехнулась.

– Ну, мне пора, – она резко встала.

– Вы уходите?! – спросил я, тоже стараясь вскочить на ноги. Но от поспешности нечаянно зацепился носком ботинка за кисти, обрамляющие покрывало, и упал.

Женя улыбнулась.

– Да, пора.

– А завтра вы здесь будете? – продолжал спрашивать я, пытаюсь освободить ногу, но от волнения ещё больше запутывался.

– Да, как всегда, – с любопытством наблюдая за мной, ответила Женя.

– Я могу к вам зайти завтра?

Наконец я распутался и встал.

– Можете. До встречи!

Женя ловко свернула покрывало и быстро скрылась за калиткой.

– До свидания! – крикнул я ей вслед, смущённый произошедшим.

За забором опять быстро промелькнул какой-то силуэт, но меня он уже не интересовал. Я был нацелен только на завтрашнюю встречу в шесть часов.

Когда на следующий день пришёл, она уже, как выяснилось, час писала в тетрадку свои рассказы и с удовольствием прочла мне один, который я, к своему великому сожалению, забыл. Поэтому не могу передать его здесь, ведь ещё и красноречием меня природа не наделила!

Как бы то ни было, но с каждым днём Женя мне нравилась всё больше и больше. Я не мог понять, почему в неё влюбляюсь. Хотя, пожалуй, это было ясно!

И вскоре это стало заметно не только мне, но и этому олуху Толику, который буквально с ума сошёл! Нет, всё-таки такого кретина я не встречал ни разу!

Толик со мной спорил! И как?! Признаться, иногда я не мог удержаться от смеха, а иногда я бы набил ему морду. Однако всегда сдерживал себя, поскольку отличался некоторым умом.

Толик ко мне пристал ещё с того момента, как я приехал в гости к тёте, а когда познакомился с Женей, он доставал меня постоянно.

– Ты оделся сегодня, как павлин, – сказал он мне однажды.

Я оглядел себя ещё раз и заметил, что выгляжу как нельзя лучше.

– У нас здесь так не ходят! – заметил Толик.

– Одежда очень удобная, – сказал я.

– Совсем нет! Что это за майка такая? А шорты? Скорее на нижнее бельё похожи.

Я только улыбнулся. Представляю: если бы на моём месте был мой двоюродный брат Егор, он бы сделал из Толика отличную грушу для тренировки своих боксерских перчаток... Однако я отправился на свидание. Да, конечно же, к Жене! Но, к сожалению, её на «нашем» месте не оказалось.

Я прочесал окрестности, полагая, что ей надоело лежать в одном и том же месте, и выяснил, что её просто и не было.

Прошло где-то минут тридцать, и я собирался уходить, как вдруг увидел её.

Она была в тот день, как и в другие, очень хороша собой. Если бы я мог собрать сто звезд, я бы отдал их ей. Конечно, если бы мог собрать.

И не знаю, что произошло, меня неожиданно повлекло к ней настолько сильно, что я не смог остановить ни своё желание, ни свои руки. Однако меня успокаивало лишь одно, что всё-таки я не сделал ничего плохого, а лишь её поцеловал.

Впрочем, очнулся я от всего этого только дома, не понимая себя. Казалось, что кто-то заставил меня всё это сделать, чья-то сила, с которой я не мог справиться.

На следующий день я пришёл, чтобы извиниться, как вдруг увидел её вместе с Толиком.

Она ласково посмотрела на меня и остановилась, не знаю, что опять со мной произошло, но очнулся я страшно побитый. Казалось, что по мне не раз прошлись, единственное, что успокаивало, – мне хотя бы ничего не сломали.

Самое интересное было то, что я даже не помнил, с кем дрался. Но, увидев мрачного Толика на следующий день, сообразил, кто это был.

Но я не мог понять: как это произошло? Как? Выше я говорил, что никогда отличался таким характером, им помог похвастаться лишь мой двоюродный брат Егор. Я вообще в жизни не обидел ни одну муху.

Ну, разве что муху цеце. Но она сама была виновата, когда садилась мне на руку.

Вскоре, однако, я всё же понял. И то, что понял, меня ошеломило.

Однажды днём, слава богу, было нежарко, я прогуливался по улице, как вдруг увидел Женю. Я притаился. Точнее – успел спрятаться за одно довольно объёмное дерево.

Она вышла из дома и встала на дороге. Вдалеке стоял Толик. Она смотрела на него очень долго и внимательно, пока тот к ней не подошёл.

Не говоря ни слова, он развернулся и направился, как я вначале перепугался, в мою сторону. Но он подошёл к какому-то рядом стоящему дому и крикнул три раза кого-то. Вышел юноша.

Женя подошла к нему поближе и посмотрела внимательно в глаза.

Неожиданно он начал трястись, как в лихорадке, и упал к её ногам.

Она взглянула на Толика. Его вдруг тоже начало трясти, и он тоже упал.

Затем она отошла от них и стала смотреть на того юношу, которого первого заставила трястись, и он сделал мостик. В это время на дороге возникла девушка, судя по всему, та самая её подруга.

«Ведьма» кивнула ей в знак приветствия, та сделала так же. Женя посмотрела на Толика, который продолжал трястись на коленях, тот упал и перестал двигаться.

Тут она глянула на юношу, всё ещё стоявшего на мостике, и он встал на свечку.

Подруга улыбнулась, а Женя посмотрела на этого юношу, тот поднялся и подошёл к ней. Она продолжала на него смотреть. Он двинулся вперед, сопровождаемый её подругой.

Я был не в состоянии сказать ни слова, когда Женя взглянула на дерево, за которым стоял, и у меня неожиданно начало больно стягивать руку.

Пока унимал её, Женя и подруга с юношей скрылись из виду. Я немедленно подошёл к Толику и дотронулся до него. Он был холоден как лёд. Жутко перепугавшись, обнаружив к тому же, что я без сотового телефона, отправил за доктором соседского мальчишку, который как нельзя кстати там оказался.

Решил дождаться врача. То, что я узнал, было ужасающим. Толик умер.

Я не мог поверить. Врач сказал гораздо позже, что смерть, скорее всего, наступила от нервного истощения.

Однако точно было так и неизвестно, от чего он умер.

Сам я себя чувствовал не очень хорошо.

После этого случая жутко болела голова. Меня мучили такие ужасные сны, что я думал, что тоже закончу свою жизнь так же, как несчастный Толик.

Решив немного прогуляться, вышел на свежий воздух и лицом к лицу столкнулся с Женей. Голова моя моментально прошла, но я вдруг, сам того не желая, пошёл за девушкой. Понимал, что со мной, но ничего не мог сделать.

Она молчала и смотрела на меня.

Я не мог ничего сказать, как будто бы мне приклеили язык.

Тут что-то взорвалось. Она кинулась мне на шею и начала целовать. Это было приятно, даже несмотря на то что я... О нет! Знал... И вдруг она меня толкнула в яму. Я ударился головой.

Очнулся уже в постели, в доме тётки.

Она сказала, что я бредил. У меня был жар, лихорадило.

Зачем-то я поднялся и вышел на улицу, хотя тётка грозно стояла в дверях. Я хотел выйти. Было четыре часа. Не знаю, ночь это или утро. Вдруг я увидел Женю.

Мне больше не хотелось спать, и я сказал:

– Видел вчера, что ты сделала. Ты наделена сверхъестественными способностями проникать в глубину человеческого сознания, ты можешь командовать на расстоянии. Зачем ты его убила?

Женя, раскрыв глаза от изумления, сказала:

– Ты что?? Ты себя хорошо чувствуешь?

Я тоже удивился, но сказал, что у меня жар.

– Это понятно, – ответила Женя. – Но я же не колдунья и уж тем более не гипнотизёр.

Я ещё больше поразился, но промолчал.

– И кого я убила? – спросила она.

– Толика, – ответил я твёрдо.

Она продолжала недоумевать.

– Толика?? Да ты что?! Андрей, последнее время ты себя неважно чувствуешь. Избил парня.

Тогда я рассказал ей о том, что видел вчера.

С каждым словом она изумлялась всё больше и больше и, кажется, начинала негодовать.

– Андрей, – сказала она. – Толик, я, моя подруга и его друг Вова просто прикалывались.

Шутили, понимаешь?

Я ничего не мог понять и попросил объяснить ещё раз.

Женя рассказала, что они пошли на прогулку четвером. Вова начал что-то петь, Толик ему подпевал, а потом похвастался, что хорошо умеет делать мостик и свечку. Всё это время они разговаривали и не молчали.

Потом Толик упал на землю и показал, что умеет притворяться мёртвым, как никто другой.

Он так вошёл в роль, что заснул, потому что до того выпил много пива.

Пришёл его брат – тот самый мальчишка, которого я отправил за врачом, и сообщил маме, что брат напился. Всё это время Женя, её подруга и Вова не отходили от него. Тут появился я и, с её слов, начал бегать, как сумасшедший, вопя, что убили Толика, совсем не обращая внимания на крики Жени.

В результате пришлось меня увести к тётке, которая и взялась за моё лечение...

Я так удивился, когда это слышал, что не мог сказать ни слова, когда Евгения провожала меня домой.

Какое-то время чувствовал себя ужасно. Но пришел в себя и понял, что мне можно внушить многое и что я, как выяснилось, чувствительный. К счастью или к сожалению, но бабка, которая внушала мне, что Женя – колдунья, померла вскоре, как я выздоровел. Теперь я здоров, хотя до сих пор ничего не могу понять, и решил записать этот рассказ в мою тетрадку...

Разговор о счастье

- Федька, а ты счастлив? – спросил я.
- Да нормально! – посмотрев на меня и почесав в затылке, заметил коренастый мужик лет сорока.
- Что это – «нормально»? – огорчился я. – Это одно из двух: либо счастлив, либо нет. Ты счастлив?
- Федька посмотрел на меня.
- Ну, положим, – проговорил он.
- Да не то ты что-то говоришь! Это определённое. Понимаешь? Что-то определённое. Чувство, которое осознаешь, – начал я с жаром.
- Ну и что? – спросил он, смотря на меня как баран на новые ворота.
- Да ничего! – обиделся я и снова начал:
- Знаешь, я, например, счастлив. Очень счастлив! Я люблю девушку, которая меня любит!
- Федька усмехнулся и закурил.
- Насчет бабы. У меня жена хорошая, за скотиной следит, курей где, каких, чего кормит! Тут-то, в деревне – счастье такое!
- Я вяло улыбнулся и, вздохнув, подумал, что зря с сельским мужиком разговор такой затеял.
- А если ты мне, как ты говоришь, о счастье тренькаешь, то хорошо, знаешь, 200 грамм хлобыстнуть, ото и счастье!
- Я снова вздохнул и опять расстроился.
- Федька смачно затянул дым сигареты и добавил, глядя на меня с прищуром:
- А что у тебя с бабой-то с этой?
- Да не баба она! – воскликнул я.
- Ну, не мужик же? – хмыкнул Федька.
- Девушка, – поправил я.
- А мне что девушка, что какая другая, всё – баба, – засмеялся он.
- Ты зря, – заметил я. – Я её очень люблю.
- Любишь?! – с недоверием переспросил он.
- Да! – подтвердил я.
- Он усмехнулся и опять затянул:
- Оно как: любить-то, конечно, не грешно, но проблем уж! Много, – заметил Федька.
- Я удивлённо приподнял брови.
- Ага, – сказал многозначительно Федька.
- Ну, знаешь, у меня нет никаких проблем пока, – смутился я.
- Федька окинул меня презрительным взглядом.
- Будут, – кивнул он большой белобрысой головой. – Понимаешь, они – народ хитрый. Вначале нет проблем, а потом есть, – добавил он полушёпотом.
- Я пожал плечами.
- Не знаю, – проговорил я растерянно.
- Ну, чего такой? – он ткнул меня в бок. – В основном все бабы всё-таки дуры, – он засмеялся. – Это как повезёт.
- А у тебя кто жена? – поинтересовался я.
- А черти её знают! – махнул он рукой. – Вроде дура, а как посмотришь, что-то и нет, хитрит, твою мать.
- Понятно, – вздохнул я и решил попрощаться.

- Давай заходи, если что баба твоя выкинет, посоветую, – сказал он на прощание.
 - Спасибо, – поблагодарил я и тихо добавил: – Она всё-таки девушка.
- А для себя понял, что счастье у всех разное.

Старичок и старушка

В селе, по соседству с нами, в маленьком уютном домике живут старичок и старушка. Внешне они очень похожи: оба маленькие и сухонькие. Им обоим далеко за 70. У них даже имена созвучные: Михаил Петрович и Марья Петровна.

Каждую весну Марья Петровна заводит новые сорта цветов, которые аккуратно высаживает перед домом. Иногда делает целую пирамиду из них. Каждую весну Михаил Петрович заводит свой мотоцикл и уезжает. Иногда приезжает с рыбой.

Целыми днями Марья Петровна сидит на корточках, пропалывая растения, или копает грядки. Целыми днями Михаил Петрович сидит на лавочке около дома или копает червей.

Каждый вечер Марья Петровна бегает с полными вёдрами воды и заливает огород. Каждый вечер Михаил Петрович бегает в поисках самогона и заливает «горькую».

На досуге Марья Петровна берёт молоток и забивает дыры в заборе.

На досуге Михаил Петрович берёт домино и забивает козла с соседом.

От постоянной работы Марья Петровна с каждым днём всё больше горбится, с каждым днём ей всё тяжелее носить вёдра, но она всё равно носит. Жалуется на боли в спине и носит. И Михаил Петрович тоже горбится, тоже жалуется на боли в спине, но всё равно носит... удочки.

Однажды, наблюдая через забор за работой Марьи Петровны, я спросила, хочет ли она пожить в городе, в хорошей квартире, отдохнуть от каждодневной физической работы?

Марья Петровна остановилась, косо посмотрела на меня и, бросив вёдра в куст хрена, с жаром воскликнула:

– Никогда! Никогда я не уеду из моей родной деревни!

– Но ведь вы очень устали! – возразила было я.

– Да, – вздохнув, согласилась старушка. – Я часто устаю, у меня остеохондроз, но я не смогу перестать работать! – и, подумав, добавила:

– Ведь это моя жизнь.

Спohватившись, что ещё не все дела сделаны, проворная старушка схватила вёдра и пошла поливать свой огород.

А я стояла, задумавшись над словами Марьи Петровны. Неожиданно мой взгляд упал на вялые листья огурцов на нашей грядке. Я взяла вёдра и пошла поливать свой огород.

Степь

Посвящается Ольге Евгеньевне Крюковой

Поле ты мое, поле. Степь необъятная.

Колосья пшеницы на ветру развеваются мерно, в такт, как будто все разом одну протяжную песню поют...

Вдруг ветер, эх, как налетит, да как разгуляется!

Пшеничное море в поле-степи заволнуется, забурлит, но так мягко и нежно. И почему-то грустно становится.

И стоишь одна в степи. И слушаешь песнь.

Именно песнь. Песнь на языке пшеницы. Не знаешь, но только догадываешься, что эта песнь отчего-то печальная.

Проведёшь ручонками по колоскам и опять долго стоишь и слушаешь.

Потом бежишь домой...

В хате свежо. Матушка заждалась уже. Спрашивает тебя: «Что в ручонках-то?»

А ты радостно так протягиваешь сорванный колосок.

– Смотри, мама.

– Пшеница, – говорит мама ласково. И берёт бережно из твоих рук налитой золотистый колосок.

Довольная, смотришь на неё, а она улыбается, потирает свои добрые, много испытанные, грубые потрескавшиеся руки и, дотрагиваясь до колоска, замечает:

– Видишь, дочка, зёрнышки-то – хорошие, значит, скоро урожай будем собирать.

И идёте вы вместе в поле-степь, и смотришь ты на маму, как она ловко срезает серпом одну за другой охапки колосьев. Хлопаешь своими детскими глазёнками и не можешь границу отыскать, где же море золотое кончается.

И стоишь так долго-долго. И думаешь: «Поле ты мое, поле – степь необъятная».

Любовь на облаках

– Любовь на облаках, – произнесла я после некоторого раздумья.
– Интересно, – сказал Гриша, – а что она там делает?
– Живёт.
– Гм, – проговорил опять он. – Никогда бы не подумал.
– А почему?
– Это что-то земное, посредственное и неинтересное.
– И это ты говоришь мне такие слова! – воскликнула я. – Ты – романтик до мозга костей!
Он покачал пальцем.
– Ты меня туда записала! Не напрашивался я в романтики! Мне это всё равно.
Я огорчилась.
Он встал.
– И вообще, хочешь с тобой по-деловому поговорить, а ты на любовь переключаешься!
– Ну что же в этом такого?! – спросила я искренне. – О работе можно говорить всегда и везде, а любовь – тема такая серьёзная.
– Э... – протянул Гриша. – Что тут серьёзного? Фигня сплошная! Работать надо, а не любовь качать.
– Да мы просто разговариваем, – обиделась я.
– Это видно, – заметил Гриша. – Все вы просто разговариваете, а потом.
– Что «потом»? – заинтересовалась я.
– Фигня.
Я снова обиделась.
– Какой ты всё-таки чёрствый, Гриша! – констатировала я.
– Да, – с превосходством в голосе сказал он. – Я такой! И не нужно мне романтику разводить! Работа и работа, – отчеканил, поправив очки. – Я в себе воспитал это.
– У... – только и смогла произнести я в ответ.
Он стоял, опершись на столб, с деловым видом просматривая какой-то блокнот.
Я закрыла лицо руками и неожиданно для себя заплакала.
– Эй, – проговорил он, и столб закрипел, я поняла, что он от него отошёл. Шаги приблизились ко мне.
– Ну, что такое? – спросил серьёзный голос.
Я ещё пуще разрыдалась.
– Эй, – проговорил тот же голос уж мягче. – Анют, ты чего? Ань.
Рука плавно опустилась мне на спину, а потом дошла до моей руки и хотела отнять её от лица.
Я посмотрела на него. Он снял очки и с удивлением, взволнованно смотрел на меня.
– Ань.
Его рука прошла по моей щеке, утёрла слезу.
– Черствяк! – сказала я.
Он был взволнованно-серьёзен.
Таким я его никогда не видела.
Вдруг он обнял меня очень крепко и сказал:
– Любовь на облаках, она там.
Он встал, отошёл куда-то и спустя четыре минуты вернулся, принеся мне букет одуванчиков. Поцеловав в щёку, удалился.
Я посмотрела ему вслед и улыбнулась: «Ты всё-таки романтик».

Всё будет лучше, чем плохо!

Я в разочаровании вышел из подъезда и присел на скамейку.

Неожиданно около меня появился Мишка – соседский мальчишка девяти лет.

– Привет! – крикнул он мне.

– Привет, – сказал я мрачно.

– А что ты такой грустный? – поинтересовался Мишка.

– Выгнали меня, – проговорил я.

Мишка смерил меня взглядом:

– Как собаку, что ль?

Я приподнял брови:

– Вроде того.

– А кто? – заинтересовался мальчик.

– Будешь много знать – постареешь быстро, – заметил я.

– Нет, я молодым останусь, – заявил серьёзно Мишка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.